ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ЖАС ҒАЛЫМДАР КЕҢЕСІ

Студенттер мен жас ғалымдардың «ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2016» атты XI Халықаралық ғылыми конференциясының БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ XI Международной научной конференции студентов и молодых ученых «НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2016»

PROCEEDINGS of the XI International Scientific Conference for students and young scholars «SCIENCE AND EDUCATION - 2016»

2016 жыл 14 сәуір
Астана

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

Студенттер мен жас ғалымдардың «Ғылым және білім - 2016» атты XI Халықаралық ғылыми конференциясының БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ XI Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2016»

PROCEEDINGS of the XI International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2016»

2016 жыл 14 сәуір

Астана

ӘӨЖ 001:37(063)
КБЖ 72:74
Ғ 96

Ғ96 «Ғылым және білім – 2016» атты студенттер мен жас ғалымдардың XI Халық. ғыл. конф. = XI Межд. науч. конф. студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2016» = The XI International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2016» . – Астана: http://www.enu.kz/ru/nauka/ nauka-i-obrazovanie/, 2016. – .... б. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-764-4

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докоранттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

ӘОЖ 001:37(063)
КБЖ 72:74

ISBN 978-9965-31-764-4

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2016

УДК 24-673.5

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАЗАХСТАНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Зобнина Анастасия Григорьевна
nastya_zobnina@mail.ru
магистрант 1 курса филологического факультета
ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан
Научный руководитель – д.ф.н., проф. М.Б. Нуртазина

На современном этапе развития лингвистики достаточно активно используется понятие «языковая личность», под которой в широком смысле этого слова понимается такой вид полноценного представления личности, который включает в себя социальный, этический, психический компоненты, «пропущенные» через речевое поведение коммуниканта [1, 15]. В таком понимании понятие языковая личность интегрирует личностные и языковые процессы, а также охватывает основные этапы речемыслительной деятельности, начиная с коммуникативного намерения и до текста.

Внимание к речевому портрету современной языковой личности, к лексикону носителя языка в значительной степени обусловлено стремлением познать картину мира нашего современника, его способность воспринимать окружающую действительность, перерабатывать все многообразие поступающей информации.

Ю.Н. Караулов описал структуру языковой личности, которая «представляется состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную “картину мира”, отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию процессам познания человека; 3) прагматического, включающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [2, 5].

Именно в коммуникативном поведении языковая личность проявляет свою коммуникативную индивидуальность, поэтому В.В. Красных выделяет понятия, которые характеризуют говорящую личность: «“Человек говорящий” – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; языковая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических); коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации» [3, 54-55].

Говоря о лингводидактическом аспекте, можно отметить факт выявления в образе языковой личности таких совокупностей способностей и свойств, которые помогают ей создавать какие-либо устные и письменные речевые произведения в соответствии с намерениями субъекта коммуникации, извлекать информацию из письменных источников, адекватно воспринимать и отвечать на речевую деятельность другого коммуниканта.

В.И. Карасик, имея в виду задачи обучения, выделяет «пять аспектов речевой деятельности коммуникантов: 1) языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение; 2) коммуникативная потребность, т.е. адресованность,

направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры; 3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели, компетенцией человек овладевает, в то время как способности можно лишь развить; 4) языковое сознание как активное вербальное “отражение во внутреннем мире внешнего мира”; 5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающая характер и образ жизни человека» [4, 54-55].

Вместе с тем В.И. Карасик вводит в лингвистический оборот термин «речевой паспорт» современного человека и говорит о коммуникативных особенностях личности [4, с.27]. М.Я. Дымарский дополняет содержательным аспектом данное понятие и вводит такой элемент, как речевая манера, под которой понимает «способ речевого поведения, определяемый типом социальной (в том числе коммуникативной) позиции, доминирующей в социальном бытии индивида, его характером и темпераментом; способ, включающий ситуативно обусловленный выбор коммуникативных стратегий и тактик, стилей и подстилей, а также предпочитаемых индивидом соответствующих синтаксических и интонационных конструкций, клише и штампов, пластов фразеологии и лексики. В это понятие входит и собственно манера говорения (темп речи, характер фонации, дикция и проч.)» [5, 141].

Говоря о сознательном отношении к языку и речи современных школьников г. Астаны и студентов ЕНУ, можно сказать, что их языковое сознание включает в себя оценку своей и чужой речи, рефлексию над фактами языка, критическое отношение к нарушениям нормы, т.е. культуру речи. Возрастает также значимость понятия языковой вкус, который, как отмечает В.Г. Костомаров, передает те существенные изменения в речевом поведении современника и речевые предпочтения, характерные для глобальных социальных перемен в России [6, 20].

Вкус, по словам В.Г. Костомарова, «отражает в своем развитии динамику общественного сознания и объединяет членов данного общества на данном этапе истории». «Важнейшее условие вкуса – социальное по природе, усваиваемое каждым носителем языка так называемое чувство, или чутье, языка, являющееся результатом языкового и социального опыта, усвоения знаний языка и знаний о языке, бессознательной по большей части оценки его тенденций, путей прогресса. Чутье языка есть своеобразная система бессознательных оценок, отображающая системность языка в речи и общественные языковые идеалы. Чутье языка образует основу для глобальной оценки, принятия или непринятия определенных тенденций развития, определенных пластов лексики, для оценки уместности тех или иных стилистических и вообще функционально-стилевых разновидностей языка при сложившихся условиях и для данных целей» [6, 21-22].

Множественность характеристик, многообразие типов языковой личности выявляются в сложнейшем социокультурном феномене – современной языковой ситуации. Речевое поведение современника определяют три основные группы употреблений: 1) отвечающие литературной норме; 2) индивидуальные и социально-возрастные случайного, разового характера; 3) ненормативные и при этом широко распространившиеся, закрепившиеся в речи, иногда с признаком социально-профессиональной принадлежности.

Большая социальная престижность заимствованного слова вызывает его «повышение в ранге» [8, 196]. Так, слово «бутик», обозначающее во французском языке маленький магазин, лавочку, в русском получает значение «дорогой магазин модной одежды». Многие факты употребления заимствований являются «одноразовыми», они не получают закрепления в языке, поскольку их используют не для обозначения нового предмета или явления, а для демонстрации принадлежности к определенному социуму, следования речевой моде. Слово «бестселлер» на русской почве постигла судьба многих иностранных заимствований, которые переживают здесь второе рождение с бесследной потерей первоначального смысла. Из английского bestseller – «хорошо продающаяся», просто «ходкая» книга – бестселлер стал в нашем языке синонимом занимательности и даже

гениальности книги, символом писательского таланта, метафорой успеха, гарантией качества.

Приведем выразительный фрагмент текста, в котором показана семантическая неопределенность иноязычного слова харизма, весьма активно используемого в СМИ, и типичная в таких случаях попытка наивной его этимологизации:

– Чем же я лучше? – кокетливо спрашивал он. – У тебя есть харизма, – отвечала она с важным видом. Это словечко только начало входить в моду, почти никто не знал его реального смысла, и в широких слоях населения возникала ассоциация со старым русским словом «харя», бабки в деревнях так и говорили: за этого не будем голосовать, у него харизма толстая и противная.

– Ты хотя бы понимаешь, что это такое? Объясни, потому что я не понимаю, – говорил он, продолжая кокетничать. – В переводе с греческого это «богоизбранность», «дар Божий». В переводе с современного русского – обаяние политического лидера, его лицо, его имидж. Получается не совсем адекватно, зато красиво (П. Дашкова. Чувство реальности).

В современной речи молодежи попытки самореализации, проявление творческого отношения к языку осуществляются на грани или даже за гранью дозволенного.Коммуникативные неудачи, вызванные неуместным, некорректным или неэффективным использованием языковых единиц на лексическом уровне, проявляются как в форме традиционно выделяемых лексических ошибок, так и в виде коммуникативных сбоев, причиной которых являются параметры слова как единицы лексической системы (синтагматические, парадигматические, ассоциативно-деривационные), не учтенные говорящим и пишущим, место слова в индивидуальном лексиконе личности. В современной речи можно наблюдать и явные лексические ошибки, и неудачный лексический или стилистический выбор, вызывающий у адресата чувство коммуникативного дискомфорта, и более или менее успешные по своим коммуникативным последствиям языковые игры.

Если корректное и коммуникативно эффективное использование лексических средств «зон риска» [9, 21-22](паронимов и парономазов, агнонимов, словообразовательных омонимов, недостаточно освоенных иноязычных заимствований) предполагает необходимую языковую и общекультурную компетенцию говорящего, его умение включать механизмы речевого контроля, то оперирование лексическими средствами «зон выбора» (синонимами, вариантами слов, гипонимами, членами одной лексико-семантической группы) позволяет выразить свои речевые предпочтения, представить в речи параметры своей личности (возраст, пол, профессию, социальный статус и т. п.), с наибольшей полнотой реализовать свои интенции, в конечном счете – воплотить в речевом произведении свое видение мира. Выбор вербального означающего – это реализация не только семантической компетенции, которая отвечает за соотнесенность знака и действительности, но и прагматической компетенции.

Обратившись к ассоциативным полям слов-стимулов, можно «в зародыше» увидеть будущие речевые ошибки, как правило, достаточно характерные для речевого поведения усредненной языковой личности. Наряду с незнанием точных форм слов, неправильным словообразованием, в реакциях зафиксированы нарушения лексической сочетаемости: преследовать – свои планы, застенчивый – поступок, стеснительный – бюстгальтер, становиться – в амбицию, зеркало – сломанное, повод – предоставился, предоставлять – себе что-л., труд – благотворительный, принимать – купаться в ванной, земля – заляпана дождем, долг – заплачен, сжатый – шелк, поднять – тост. Во многих случаях отраженное в реакциях нарушение лексической сочетаемости связано с неправильным выбором из группы паронимов. Потенциальная ошибка паронимического типа кроется в реакциях снять – одеть, будничный – воскресный.

Все увеличивающийся процент агнонимичной лексики в лексиконе студентов и школьников воздвигает барьеры при понимании разных типов текстов, делает затрудненным культурный диалог представителей разных поколений, в конце концов ухудшает качество образования.

В характеристике современной русской речи особое значение приобретают объем и характер лексикона носителя языка. Они являются индивидуально обусловленными и определяются многими параметрами личности (возраст, пол, образование, специальность, круг интересов, чтения, знание иностранных языков, место жительства и др.). При выдвижении на первый план личностных аспектов носитель языка «перестает быть просто медиумом, стоящим между языком и речью, и социальная природа языка приобретает конкретные очертания, будучи обусловлена активностью носителя как члена языкового социума.

Бурные изменения, характеризующие русскую речь последнего десятилетия, в наибольшей степени связаны с лексическим уровнем [7, 171]. Вхождение и активизация огромного числа новых заимствований, в том числе терминов, массовое проникновение в лексикон среднего носителя языка субстандартной лексики, возвращение в активное употребление лексических единиц, в течение десятилетий относимых к числу историзмов, и в то же время уход в пассив слов, обозначавших ушедшие реалии советского быта, – все эти процессы связаны с проблемой адекватного понимания, а понимание, в свою очередь, определяется объемом и качеством индивидуального лексикона.

Материалы «Русского ассоциативного словаря»[8, 21-22], создающего достоверный лексический портрет современной языковой личности (портрет современного студента, поскольку массовый ассоциативный эксперимент проводился в студенческой аудитории), демонстрируют сигналы агнонимичности ряда слов-стимулов (ими являются или реакции типа «не знаю», или реакции, явно свидетельствующие об ошибочном представлении о семантике слова и его лексических связях). Как известно, частичная агнонимия связана с нечетким, часто очень поверхностным представлением о семантике слова или просто с фиксацией широкой области, к которой слово относится. Этот тип агнонимии фиксируется реакциями «что-то в старые времена», «что-то из прошлого», «что-то из 30-х годов», «что-то в предложении».

Реакция «не знаю» и иные подобные реакции могут указывать на трудность освоения определенной понятийной сферы в процессе обучения (монополия, интеграл, деепричастие, орфографический). Однако значительно чаще соответствующие реакции маркируют неизвестные слова (не знаю – авангардист, долгунец, пропан, ратуша, тарантул, мольберт, манускрипт, сноб, стяг, рутина, фетровая, фрезерный, шалопут, не знаю слова – сель; не понимаю – шовинизм, переметная', не понял – сноб, тщетный, шустрый; непонятно – долгунец, трясогузки; что это – гопак; черт знает что – аморфный, кадриль, ловелас, что-то из 30-х годов – однокашник', не помню – однокашник', что-то из прошлого – ламбада; что-то в старые времена – долгунец). Эти материалы свидетельствуют, что в зону агнонимичности попадают разные по характеру лексические единицы: это и историзмы, и специальная лексика, и стилистически отмеченные слова. В то же время агнонимами оказываются слова, знание которых студентами высших учебных заведений представляется естественным и необходимым (ср. рутина, аморфный, шовинизм и др.)

Итак, мы хотели бы отметить, что лакуны в лексиконе современной молодежи являются главным препятствием при освоении ею образовательных маршрутов и представляют собой проблему большой социальной значимости, так как незнание слов адресатом, отсутствие обязательной общности лексиконов, необходимой для успешной коммуникации, не способствует эффективности речевого воздействия, в конечном счете может привести к неадекватному речевому поведению.

Список использованных источников:

1. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: Наука, 1995. – С.78-85.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: Изд. 4-е, стереотип: М.: Едиториал УРСС, 2007. - 264 с.

1. 3Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? – М.: Едиториал, 2000. – 198 с.
3. Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI вв: Человек и его дискурс. – М.: Гнозис, 2008. – С. 24-38.
14. Дымарский М.Я. Речевая культура и речевая манера // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии. – Санкт-Петербург: РГПУ имени А.И. Герцена, 2010. – 123-137.
15. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1999. – 241 с.
16. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
17. Русский ассоциативный словарь. [Кн. 1-6] / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. ; РАН, Ин-т рус. яз. – М.: Помовский и партнеры, 1994-1998. – (Ассоциативный тезаурус современного русского языка).
18. Nurtazina Maral. International Education in Multicultural and Multilingual Environment in Kazakhstan: Scope and Challenges // IX KIMEP International Research Conference (KIRC 2012): Proceedings. – Central Asia: Regionalization vs. Globalization, April 19-21, 2012. – P. 47-57.

УДК 81`243

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ВТОРОЙ: УСВОЕНИЕ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Инкарбай Оркен Алтаевна
inkarbay.oa@gmail.com
магистрант 3 курса филологического факультета
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан
Научный руководитель – д.ф.н., проф. А.Е. Агманова.

Одним из сложных и дискуссионных объектов лингвистического исследования является категория субъективной модальности. Субъективная модальность представляет собой систему языковых средств, служащих для выражения оценки достоверности (истинности). Оценка достоверности представляет собой оценку говорящим сообщаемого как соответствующего, либо несоответствующего действительности с точки зрения его знаний о нем. В отличие от других видов модальности, субъективная модальность отражает степень полноты и характер знаний говорящего о событии.

Высокая частотность употребления языковых средств выражения субъективной модальности обусловлена их коммуникативной значимостью: они используются не только для выражения оценки, отношения говорящего к сообщаемому факту, но и для добавочного сообщения, усиления эмоционального аспекта, специального привлечения внимания собеседника к предлагаемой, особо важной информации. Все это свидетельствует о важности усвоения средств выражения субъективной модальности в процессе изучения русского языка казахоязычными студентами для осуществления полноценной коммуникации. Усвоение субъективной модальности тесно связано с освоением функционально-семантических категорий и модальных значений желания-нежелания, предположения, намерения, долженствования, возможности, необходимости, отрицания, согласия-несогласия, эмоциональной оценки сообщаемого.

В усвоении способов выражения субъективной модальности наблюдаются особенности, обусловленные когнитивными и психолингвистическими закономерностями развития вторичной языковой личности. В связи с этим выявление специфики усвоения способов выражения субъективной модальности русского языка иноязычными обучаемыми позволит определить общие тенденции в процессе формирования вторичной языковой личности [1].

Для исследования специфики усвоения способов выражения субъективной модальности при изучении русского языка как второго был проведен эксперимент в виде